

Вечерняя заря постепенно тонула в наступающей темноте, и пейзаж вдали размывался.

Взгляд Симень Чуйсюэ внезапно устремился в одну сторону, замер на мгновение, а затем от него повеяло лютым холодом.

На высокой горе, напротив Усадьбы Десяти Тысяч Слив, на краю обрыва тихо стояла стройная фигура и смотрела в их сторону.

Лу Сяофэн повернул голову вслед за ним и, заметив этого человека, слегка опешил.

Он ведь вовсе не заметил, когда именно там кто-то появился.

Словно почувствовав их взгляды, фигура качнулась и вдруг пришла в движение.

Человек легко сорвался с обрыва, падая с отвесной скалы, и еще в полете устремился напрямик к ним.

Его мастерство легких шагов было необычайно высоким: издалека казалось, будто он летит по воздуху.

Его тело было легким, как лебяжий пух, и не успел Лу Сяофэн моргнуть, как незнакомец уже приблизился.

Прибывший был облачен в широкие одежды с длинными рукавами, его силуэт казался эфемерным, а взмывающие полы одеяний напоминали спустившегося с небес бессмертного.

Лу Сяофэн внезапно широко от ушей раскрыл глаза и испустил изумленный возглас.

Услышав его крик, Хуа Маньлоу озадаченно повернул голову:

— Лу Сяофэн, что случилось?

Лу Сяофэн уже собирался ответить, но вдруг что-то вспомнив, странным взглядом окинул Хуа Маньлоу, а затем снова посмотрел на пришельца, и его взор стал сложным.

Поскольку Хуа Маньлоу был слеп, его способность определять местоположение по звуку развилась до невероятного уровня, но сейчас, хотя человек уже подошел вплотную, Хуа Маньлоу не ощущал ни малейшей аномалии.

В глазах Лу Сяофэна мелькнуло замешательство: этот человек поистине непостижим.

Пока он мысленно размышлял об этом, незнакомец уже оказался перед ними.

Лу Сяофэн поднял голову и невольно дернулся уголком рта — вся прежняя таинственность испарилась без следа.

У прибывшего было необычайно красивое лицо, но сейчас оно было глуповато озарено улыбкой, а на щеках темнели следы грязи и сок травы, словно он только что продирался сквозь чашу.

Странно, но его одежда при этом оставалась безупречно чистой: белоснежные с синей окантовкой мягкие и струящиеся одежды переливались в сгущающихся сумерках, а на ткани угадывался сложный тисненый узор.

Плечи странно стягивали две широкие светло-зеленые ленты, и при ближайшем рассмотрении оказалось, что за спиной он носит искусно сплетенную из лозы корзину со свежими, словно только что сорванными целебными травами.

У него на поясе также висела маленькая аптечная мотыга.

Едва остановившись, он радостно подскочил к Симень Чуйсюэ и, широко улыбнувшись, окликнул:

— А-Сюэ!

Края его глаз согнулись, а уголки рта приподнялись — вообще-то вид у него был крайне располагающий.

Однако от Симень Чуйсюэ мгновенно повеяло арктическим холодом, взгляд его стал ледяным и острым, и этот холодный взгляд, устремленный на незваного гостя, словно пригвоздил того к месту. Тот лишь жалобно и преданно смотрел на Симень Чуйсюэ.

В мире цзянху немало известных людей: есть и маститые ветераны боевых искусств, и восходящие звезды. Прославляются они самыми разными путями — хорошими, дурными, а то и вовсе ни тем ни другим.

Хорошая слава строится на высоком мастерстве и благородстве, дурная — на злодеяниях, грабежах и распутстве, а посредственная обычно сопровождает чудиков с причудливым нравом и странными поступками.

Так или иначе, добившись определенного признания в кругах цзянху и став известным и уважаемым, человек обретал имя.

Каждый обитатель цзянху втайне надеялся однажды прославиться на весь мир, чтобы о нем узнали все, и упорно трудился ради этой цели.

Нонные годами оставались лишь жалкими пешками, в то время как другие внезапно взлетали на волне неожиданной славы, оставалось лишь сокрушаться о непостоянстве мира — тут уж как судьба распорядится.

Не так давно один человек прославился весьма своеобразным способом. Способ этот оказался настолько неожиданным, что поразил абсолютно всех.

Полгода назад некий наглец среди бела дня публично признался в любви Симень Чуйсюэ, а после осмелился преследовать его до самой Усадьбы Десяти Тысяч Слив, не давая тому прохода. Когда об этом пошла молва, цзянху мгновенно всколыхнулось.

Само по себе признание мужчины в любви Симень Чуйсюэ было диковинкой, но еще более удивительным было то, что он до сих пор оставался жив — Симень Чуйсюэ не прибил его на месте и даже не прогнал. Это превзошло все ожидания.

Всем было известно, что Симень Чуйсюэ, восходящая звезда нового поколения цзянху, достиг в искусстве владения мечом таких высот, что они казались непостижимыми. Соперников, способных с ним тягаться, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Столь юный, но уже добившийся невероятных успехов, он обладал безграничным будущим, а владение Усадьбой Десяти Тысяч Слив с ее несметными богатствами делало его желанным и заметным молодым талантом.

Беда лишь в том, что человек этот был напрочь лишен человечности и романтизма, отличался холодным нравом, а в глазах его отражался лишь меч. Он был одержим клинком настолько, что посвятил ему всю свою жизнь, и предпочитал вызывать соперников на смертельные поединки. Ради совершенствования меча он был готов пожертвовать собственной жизнью, а лишение людей жизни и вовсе считалось для него искусством.

Большинство обитателей цзянху испытывали перед Симень Чуйсюэ благоговейный трепет, держались от него подальше и норовили уйти с дороги.

К счастью, большую часть времени Симень Чуйсюэ проводил в Усадьбе Десяти Тысяч Слив и редко появлялся на людях.

При виде такого человека не то что в любви признаваться — даже заговорить с ним требовалось немалое мужество.

А уж признание мужчины и преследование его по пятам равнялось откровенному вызову. Раньше те, кто осмеливался бросать вызов Симень Чуйсюэ, не то что продолжали маячить перед его глазами — на их могилах уже давно вырастала трава.

Но прошло полмесяца, а этот безымянный новичок все еще прыгал и резвился на свободе, да к тому же Симень Чуйсюэ позволял ему крутиться в пределах Усадьбы Десяти Тысяч Слив. Неудивительно, что впору было заподозрить неладное в их отношениях.

Среди бесконечных сплетен этот человек прогремел на весь цзянху, и многие гадали, что же между ними происходит.

Данчи, едва попадая в этот мир, встретил того, кто заставил его сердце забиться быстрее. Его замерший на два с лишним десятка лет даосский путь затрепетал так резво, будто он наткнулся на рецепт идеальной пилюли.

Это заставило его, не задумываясь, выпалить предложение о заключении союза:

— Даосский друг, не желаешь ли заключить соучастие на даосском пути?

Тогда человек, в которого он влюбился, резко взмахнул клинком — кровь брызнула на падающие зеленые листья, и сверкающее лезвие уставилось прямо на него.

Красивые тонкие губы приоткрылись, и оттуда полились чарующие звуки.

Данчи услышал этот холодный и прекрасный голос, сказавший ему:

— Доставай меч.

Звук этот напоминал журчание ледяной воды, стекающей с вершины заснеженной горы, от него веяло пронзительным холодом до самых костей.

Он замер на месте, полностью очарованный.

Сердце забилося еще быстрее.

Даже при создании нового рецепта пилюль он не испытывал такой радости.

Симень Чуйсюэ только что закончил преследование врага, еще не успел убрать меч, и капли крови с него не успели упасть на землю, как вдруг перед ним из ниоткуда возник странный человек. Не успел он сделать и движения, как тот уставился на него глазами, в которых вспыхнул такой жаркий свет, словно мириады звезд или полуденное солнце — ослепительный и яркий. Уставившись прямо на него, незнакомец выпалил:

— Даосский друг, не желаешь ли заключить соучастие на даосском пути?

Симень Чуйсюэ не стал больше говорить — он просто взмахнул мечом, вызывая на бой.

Еще никто не смел говорить с ним в таком тоне, и еще никому не удавалось уйти невредимым после оскорбления хозяина Усадьбы Десяти Тысяч Слив.

Но этот странный человек сбежал, безнаказанно посмеявшись над ним.

Мало того, после этого он осмеливался снова и снова появляться перед ним, настойчиво донимая его.

Даже столь бесстрастный и холодный человек, как Симень Чуйсюэ, не мог оставаться к этому равнодушным.

Никому не понравится, если во время еды, отдыха или даже сна рядом внезапно материализуется кто-то посторонний.

После нескольких таких инцидентов Симень Чуйсюэ наконец окончательно вышел из себя.

Хотя будущий партнер по даосскому пути не принимал его чувств, Данчи не собирался сдаваться — терпения ему было не занимать.

Поэтому он увязался следом, проводил даосского друга до дома и узнал, что тот является хозяином Усадьбы Десяти Тысяч Слив по имени Симень Чуйсюэ.

Услышав это имя, Данчи невольно прижал руку к груди, ощутив легкое удушье.

Как же красиво звучало имя его даосского друга!

Симень Чуйсюэ — снег на вершине пика, поистине прекрасная пара для его пути. С каждым мысленным повторением любовь крепла, и от этих мыслей уже не получалось обуздать переполняющие чувства — даже любимые пилюли не могли вернуть ему душевное спокойствие.

Он не удерживался и каждый день бегал в Усадьбу Десяти Тысяч Слив к своему даосскому другу, надеясь признаться в чувствах и поскорее увести его с собой.

Кто бы мог подумать, что результат окажется прямо противоположным его ожиданиям: столь настойчивые ухаживания не только не растопили сердце друга, но привели к тому, что его раз за разом выдворяли вон, а в конце концов и вовсе занесли в черный список нежелательных лиц.

Усадьба Десяти Тысяч Слив даже усилила охрану, установив за ним жесткую слежку. Все обитатели поместья перестали заниматься своими делами и пялились на него во все глаза; стоило им заметить его, как они с криками бросались целой толпой, колотя при каждой встрече без всякой жалости.

Данчи жалко съжился в углу, невыносимо обиженный.

Все в доме его даосского друга такие свирепые, почему они не дают ему увидеться с Сюэ? QAQ

Однако в владениях даосского друга ему не хотелось устраивать драку и причинять кому-то вред, поэтому он скрепя сердце переключился на выжидание в засаде.

Но просидев в засаде два дня и так не дождавшись выхода даосского друга за ворота, он сообразил, что тот нечасто покидает усадьбу — за год максимум четыре раза ради расправ над врагами, и он как раз явился аккурат после очередной такой расправы.

Это означало, что если он просто так продолжит сидеть снаружи, то неизвестно, в каком веке сможет снова увидеть возлюбленного!

Преодолевая тоску, невыносимо страдающий Данчи был вынужден искать обходные пути.

За эти дни Данчи зря времени не терял: подслушав разговоры обитателей поместья, он узнал, что у даосского друга есть особый друг по имени Лу Сяофэн, который частенько заглядывает в Усадьбу Десяти Тысяч Слив, чтобы стащить вина, и что у этого Лу Сяофэна есть дорогой его сердцу слепой друг, которого никак не могут исцелить лучшие лекари.

Узнав об этом, Данчи чуть не рассмеялся в голос.

Какая удача, само идет в руки!

Хотя сам он не был целителем, здешние люди — не практикующие культивацию монахи.

Некоторые ученики их секты частенько дарили изготовленные собственными руками пилюли мирским родственникам и друзьям, особенно обычным людям.

Поскольку духовные эликсиры, сваренные культиваторами, обладали потрясающей эффективностью для смертных, никогда не занимавшихся духовным развитием, многие пилюли, бесполезные для самих адептов, в руках простолюдинов творили чудеса, возвращая мертвых к жизни и исцеляя плоть и кости.

Любая хворь зачастую отступала от одной-единственной пилюли, что уж говорить о каком-то там расстройстве зрения.

В худшем случае, если бы столкнулись со сложным случаем, можно было просто вынуть больные глаза и вырастить взамен новые.

Решив так, Данчи с тяжелым сердцем отлучился, чтобы заманить в ловушку этого Лу Сяофэна.

Разобравшись со всем, он в спешке вернулся продолжить дозор и застал за сбором трав у входа в усадьбу.

Увидев, что даосский друг действительно вышел из Усадьбы Десяти Тысяч Слив, Данчи тут же бросил свои дела и побежал с горы.

Ощувив знакомый холод, Данчи мгновенно прищурился и с ностальгией потерся носом.

Он не видел даосского друга уже несколько дней, и тот волновал его куда сильнее тех самых пилюльных печей в секте.

От этих мыслей его лицо внезапно скисло, и он, сделав несчастный вид, шагнул вперед, принявшись кружить вокруг Симень Чуйсюэ.

— Сюэ, — жалобно позвал Данчи, глядя на него снизу вверх.

И с еще большим жалобным видом осведомился:

— Когда же мы свяжемся узами?

Стоит только даосскому другу дать согласие, как он сможет увезти его посмотреть на свои печи для пилюль — все они были древними артефактами, собранными им по всему свету, с превосходной эффективностью алхимии, даосскому другу непременно понравится.

Симень Чуйсюэ же даже не взглянул на него, словно перед ним никого не было, лишь аура вокруг него становилась все ледянее.

Данчи надул губы, чувствуя себя обиженным: ну почему даосский друг ни в какую не желает согласиться?

Как самый одаренный прямой ученик в Секте Даньчжэнь.

Сын самого главы секты и личный ученик старейшин.

С самого детства окруженный всеобщим вниманием, выросший в стенах родной обители, где у него всегда было все, чего он ни пожелает, не знавший никаких поражений Данчи впервые в

жизни растерялся.

Впрочем, огорчение длилось недолго: не прошло и мгновения, как он снова во все глаза уставился на Симень Чуйсюэ, не моргая.

Даосский друг так прекрасен даже тогда, когда злится.

От собеседника вновь повеяло лютым холодом, взгляд стал еще острее, Впрочем, пробить защиту незваного гостя ему по-прежнему не удавалось.

Напротив, прекрасные цветы, распустившиеся вокруг, съежились под натиском стужи, поникнув и свесив бутоны с ветвей.

Лу Сяофэн потер плечо, тоже ощутив немалый холод.

Поэтому он решил вмешаться и прервать их:

— Эй, братец, — обратился он к Данчи.

Данчи сообразил не сразу, но, осознав, что зовут его, повернул голову, глянул на незнакомца, а затем с абсолютно равнодушным видом отвернулся обратно.

Лу Сяофэн: «.....»

В глазах его сгустилось напряжение, и, заговорив снова, он понизил голос, в упор глядя на Данчи:

— Симень уже вышел. Когда ты выполнишь то, что мне пообещал?

Ледяной взгляд Симень Чуйсюэ мгновенно переметнулся на него, заставив Лу Сяофэна невольно вздрогнуть.

Данчи тоже снова повернул голову, и в его глазах мелькнуло затаенное недоумение.

Он принялся внимательно разглядывать Лу Сяофэна, и брови его постепенно сошлись на переносице.

Лу Сяофэн что-то сообразил, его рот неожиданно дернулся, он подавил желание поднять руку, а под тяжелым взглядом Данчи его лицо начало постепенно каменеть.

— Это ты? — спустя добрых полминуты неуверенно произнес Данчи. — Помнится, ты выглядел совсем иначе!

При этих словах Лу Сяофэн с откровенной обидой покосился на Симень Чуйсюэ.

Заметив это, Данчи мгновенно переменился в лице, шагнул вперед, заслоняя его собой, и бросил на Лу Сяофэна настороженный взгляд.

Он задает вопрос, а Лу Сяофэн пялится на его даосского друга — неужели этот хмырь тоже положил глаз на даосского друга?

Во взгляде Данчи отчетливо проступила неприязнь.

Лу Сяофэн: «.....»

Он был вынужден с досадой пояснить:

— Чтобы выманить Симень наружу, мне пришлось пожертвовать своими усиками!

В глазах Данчи по-прежнему плетилось сомнение.

Тогда он запомнил человека по характерным чертам бровей, а теперь, когда тех не стало, узнать его оказалось непросто.

Лу Сяофэн: «.....»

Он больше не знал, что и сказать.

— Лу Сяофэн, что с тобой? — все это время молчавший Хуа Маньлоу услышал, что они утихли, и обратился к нему: — Кто там пришел?

Лу Сяофэн сейчас совершенно не горел желанием разговаривать и тем более рассказывать Хуа Маньлоу о случившемся.

Напротив, Данчи, услышав названное Хуа Маньлоу имя, переспросил:

— Ты — Хуа Маньлоу? А он действительно тот самый Лу Сяофэн?

Хуа Маньлоу охватило сомнение, но он всё же кивнул.

Убедившись в этом, Данчи снова уставился на Лу Сяофэна.

Лу Сяофэн сейчас являл собой зрелище человека, на лице которого не осталось ни единого волоска.

На абсолютно гладкой коже выделялись две впадины и два бугорка, и чтобы признать в нем прежнего знакомого, требовалось немалое знакомство.

— Что с Лу Сяофэном? — снова подал голос Хуа Маньлоу.

Данчи нахмурился, не совсем понимая, с чего бы ему знать, что стряслось с Лу Сяофэном, но, видимо, что-то припомнив, его лицо расслабилось, и он бросил на будущего пациента:

— Ладно, раз ты говоришь, что он, значит, он и есть!

В конце концов, даже если он ошибется с лечением, его вины в том не будет.

Лу Сяофэн: «.....» Он ведь и впрямь догадался о его мыслях!

Скрипнув зубами, он возмущенно выдал:

— Можешь спросить у Сименя, я и есть Лу Сяофэн!

Услышав это, Данчи внезапно просиял и с воодушевлением повернулся:

— Сюэ!

Был ли этот человек Лу Сяофэном или нет — не имело никакого значения. Главное, что это давало ему повод заговорить с даосским другом.

Лу Сяофэн тоже с надеждой уставился на Симень Чуйсюэ:

— Симень, подтверди мои слова.

Ледяная аура вокруг Симень Чуйсюэ уже рассеялась. Услышав это, он холодно окинул их взглядом и, не сказав ни слова, молча обошел их стороной, направляясь вдаль.

Данчи: «.....»

Лу Сяофэн: «.....»

— Сюэ!

Данчи замер всего на секунду, а затем с криком бросился в погоню.

<http://bllate.org/book/22050/2292933>